

*В.В.Попов,
доктор экономических наук,
Высшая школа международного бизнеса*

Российская экономика как элемент мировой

Я постараюсь быть предельно кратким. Выступление мое, в известной мере, созвучно выступлению Филиппа Хенсона, как, в общем, и другим выступающим. Я воспользуюсь этим представительным собранием специалистов для того, чтобы высказать несколько мыслей о российской макроэкономической политике и об инфляции. С нынешним раскладом сил в парламенте, похоже, что высокая инфляция на уровне 20% и более на ближайший год нам обеспечена. Инфляция обычно связывается с двумя причинами: есть инфляция спроса и есть инфляция предложения. Инфляция спроса зависит от того, сколько денег в обращении: больше денег — выше цены, меньше денег — цены опускаются. Инфляция предложения, инфляция издержек, как иногда ее называют, связана с несовершенством рынка. Это наиболее общая причина. Ее составляющие — и монополизация, и давление профсоюзов, и барьеры, мешающие конкуренции и переливу капиталов из одной отрасли в другую, из одного региона в другой. Так или иначе, это факторы, при которых изменение массы денег в обращении не сказывается на ценах, а сказывается только на производстве. У нас в России представлены обе точки зрения. Странники правительст-

венной линии, монетаристы, как их называют, считают, что у нас инфляции нет. Есть точка зрения, связывающая инфляцию со структурными причинами, сторонники ее полагают, что в отличие от Венгрии, Польши, Чехии, Словакии, стран Прибалтики и многих других стран, у нас есть какие-то специфические причины, которые не позволяют нам снизить темпы инфляции. Считается, что темпы инфляции можно снизить, но это отразится на производстве и потребует больших социальных издержек, что не приемлемо.

Первый мой тезис, который я хотел предложить для обсуждения, состоит в том, что в общетеоретическом плане все это правильно. Инфляция может быть и такой и такой. Но наша инфляция на 90% — монетарный феномен. Больше чем на 90% монетарный феномен, потому что технически организовать инфляцию издержек больше чем в несколько десятков процентов в год — невозможно. Это доказывает опыт Польши, Венгрии, Чехии, Словакии, даже Болгарии и Румынии. В Болгарии инфляция составляет 80% в год, в Румынии в этом году, наверное, будет 300%, в прошлом году было 200%. Значит, в принципе нет никаких особенностей у нас и в смысле монополизации, и в смысле несовершенства рынков, которые бы мешали нам снизить темпы инфляции до уровня нескольких десятков процентов в год. Но дальнейшее снижение инфляции скажется очень сильно на производстве. Можно спорить о том, будет ли это сказываться так сильно на производстве, или не будет?

Второй тезис касается финансовой политики. Естественно, говоря об экономической стабилизации, нужно говорить о финансовой политике и о монетарной политике. Тезис состоит в том, что без высоких налогов сбалансированного бюджета не будет. Вот обоснование. Среди западных стран есть страны с высоким уровнем государственных доходов и расходов. Здесь говорилось, что Россия перераспределяет очень большую часть добавленной стоимости или национального дохода, в нашей терминологии, через государственный бюджет. Это не так. Статистика свидетельствует как раз об обратном. Страны с высоким уровнем государственных доходов в ВВП — это Швеция, Норвегия, Нидерланды. Там уровень государственных расходов по отношению к ВВП составляет более 50%. В Швеции было одно время даже больше 60%. Среднеевропейский уровень — это 40—45%. Есть страны с низким уровнем государственных доходов в ВВП. Из стран ЕС это четыре страны: США, Австралия, Швейцария и Япония. Там доля государственных доходов в ВВП, подчеркиваю, доходов, составляет 30—35%. Это страны с самым низким уровнем государственных доходов. СССР традиционно был страной с высоким уровнем государственных доходов и расходов. В середине 80-х годов доходы и расходы были здесь сбалансированы, примерно на 45—50%. Значит, страны с низким уровнем государственных доходов в ВВП — они же и страны с низким уровнем государственных расходов, потому что у них бюджет более или менее сбалансирован. Эти страны могут себе такое позволить по двум

причинам: в США военные расходы высокие, т. е. это бремя для государственного бюджета порядка 4,5 — 5% ВВП, но социальные расходы — образование и здравоохранение — финансируются в значительной степени не из государственной казны, а из частного кошелька. В Швейцарии, Австралии, Японии военные расходы также очень небольшие. У нас традиционно и социальные расходы большие, и военные расходы велики. Значит, без высоких налогов нам бюджет не сбалансировать, потому что стратегия, основанная на сбалансировании бюджета путем сокращения расходов, неэффективна, по крайней мере, в долгосрочном плане. Можно говорить, что это хорошая или плохая вещь — бесплатное образование или бесплатная медицина, но в краткосрочном плане снизить расходы на предприятиях, которые производят вооружение, снизить расходы на здравоохранение и образование невозможно. В России уровень государственных доходов в ВВП с 1992 г. составляет 30% — это самый низкий показатель в мире. В первой половине 1992 г. удалось снизить расходы, но потом пришлось их увеличить. Значит, разница покрывается за счет дефицита. Значит, для того чтобы снизить дефицит, надо повышать налоги, которые у нас, в общем, невысокие. 32% — это невысокая налоговая ставка на прибыль. Эффективная налоговая ставка оказывается еще более низкой, так как значительная часть налогов не собирается.

И наконец, третий тезис. Касается монетарной политики. Почему монетарная политика оказалась неэффективной, почему она привела к неплатежам? С одной стороны, и закона о банкротстве не было, т. е. его приняли в октябре 1992 г., с марта 1993 г. он стал действовать, но все равно банкротств как не было, так и нет. С другой стороны, не было промышленной политики, т. е. государство в принципе не выбрало приоритетные сферы. Если оно не выбирает приоритетные сферы, то получается, что помощь оказывается всем. В принципе промышленная политика — это не антипод монетаристской точке зрения в том, что бюджет должен быть сбалансирован и денежная масса должна расти умеренно. Промышленная политика — это средство. В наших условиях, нельзя не определив приоритетные отрасли, сбалансировать бюджет и ограничить денежную массу. Только определив, кого именно государство будет поддерживать, а кого нет, можно такое осуществить. В странах Восточной Европы в такой же ситуации, когда не было законов о банкротстве, или законы были, но массовых банкротств не было, а в некоторых из них даже безработица не росла, в 1990—1992 гг. удалось снизить инфляцию путем жесткой монетаристской политики. У нас она почему-то привела к неплатежам. Вопрос состоит в том, почему там кредитные рестрикции, монетарные рестрикции в аналогичной с нами ситуации привели к снижению инфляции, до в общем, приемлемого уровня, а у нас они выразились в неплатежах? В принципе здесь есть две точки зрения. Одна говорит, что если бы правительство еще продержалось, если бы не было принято решения о взаимозачете в июне—августе 1992 г., то

вся эта проблема сама бы собой рассосалась. Неплатежи — это проблема предприятий, и правительство не должно брать на себя за них ответственность. Есть вторая точка зрения, в соответствии с которой нам грозил крах, развал всей платежной системы, и поэтому правительство не могло не вмешаться.